

Глава 3

Канун Рождества 6-ой петли.

— Почему...

Я нёсся по окрашенной в сумеречные цвета улице.

— Почему ты продолжаешь ждать меня...

— Ричи.

— Почему ты выглядишь такой счастливой!? Разве ты не понимаешь, что я делал эти последние два дня? Я был жесток к тебе, ранил тебя и даже заставил так долго ждать сегодня... Разве ты не понимаешь, что я предал тебя!?

— Но ты, казалось, тоже страдал, Ричи, - сказала она с улыбкой. Услышав её слова, я разрыдался.

— Д-да что с тобой?

— Это я должен спрашивать. Не веди себя с ней так, чертовски, фамильярно.

— Тц! - щёлкнув языком, тот чёртов преследователь юбок, покинул место.

— Ричи, опоздал.

— Прости.

— Я замёрзла, знаешь ли.

— Я же сказал, что сожалею.

— Хе-хе.

Счастливо рассмеялась она.

— Спасибо, что спас меня.

В момент, когда услышал это, я не мог больше выносить этого и заключил её в крепкие объятия. Не смотря на то, что поклялся, что буду избегать такого развития событий.

После пробуждения 22-го декабря, я намеренно вёл себя жёстко по отношению к ней, чтобы она возненавидела меня и чтобы она просто сдалась, не признавшись мне.

Когда она предлагала вместе пообедать, я отказывался, щёлкая языком.

Когда она приходила поговорить, я холодно отвечал, что занят и покидал своё место.

Когда она предлагала вместе пойти домой, я говорил, что у меня есть дела, при этом ведя себя недовольно.

Вот так, я отчаянно пытался заставить её ненавидеть меня.

Сегодня я также не явился на наше место встречи в наше согласованное время, а просто наблюдал за тем, как она продолжала ждать меня под холодным зимним небом. Я думал, что всё будет в порядке, пока она просто сдастся и уйдёт домой.

Но Нацуми упрямо отказывалась сдвигаться с места.

Потирая холодные руки и съёживая свои плечи от холодного ветра, она продолжала ждать часами и часами.

Такой её вид убивал меня изнутри и когда кто-то попытался забрать её, я, наконец, сорвался.

— Ричи, ты слишком непреклонен.

— Тише. Просто постой так.

— Ладно.

Почему? Почему ты делаешь мне такой послушный кивок? Разве я не был жесток к тебе, Нацуми? Я делал вещи, от которых ты запросто могла разлюбить меня, понимаешь? Так, почему...

— Почему ты так радостно обнимаешь меня.

— Почему, спрашиваешь?

Испустив вздох, на её лице проявилась слабая улыбка и в итоге, она всё равно произнесла эти слова.

— Я люблю тебя. Я люблю тебя, Ричи.

И затем она умерла. Появившийся из ниоткуда маньяк ударил её ножом в спину. Пока окружение медленно погружалось в хаос, я продолжал обнимать её с каждой секундой становившееся всё холоднее тело, со стекающими по моему лицу слезами.

Чёрт возьми, что мне делать...

И вот так наступил седьмой канун Рождества. Я лежал на кровати, глядя пустым взглядом в угол.

С тех пор, как я проснулся 22-го, я целенаправленно закрылся в своей комнате и никогда не выходил. Даже когда мне позвонили из школы, я упрямо отказался выходить и остался в постели.

Я испытывал неописуемую боль. Но я не знал, что ещё делать.

«Мне просто нужно прождать три дня, до конца интервала этой петли. Мне нужно держаться от Нацуми подальше и избегать её признания и тогда...»

— Это наконец-таки... наконец-таки закончится...

Я продолжал бормотать эти слова.

Пробравшееся в моё сердце чувство никчёмности заставило меня обнять свои колени и свернуться в клубок на кровати. Если бы я так на себя не давил, то чувствовал, что вместо этого был бы раздавлен безнадёжной реальностью, которой противостоял.

— ...?

Рингтон моего смартфона нарушил настроение. Я потянулся к тихо вибрирующему телефону и проверил его дисплей, на котором было написано «Нацуми».

— !

С моих губ сорвался беззвучный крик.

Это было не первое. Число сообщений, которые я получил за последние два дня, накапливалось как снежный ком, передавая моему сердцу бесшумную холодность.

«Это было очень вкусно!», «Давай в следующий раз сходим туда вместе, хорошо?», «Эй, слушай, Ричи. Мама была такой злой!», «Я сонная», «Смотри, смотри! Какой милый котёнок!»

Они были о таких вот ежедневных моментах.

«Ричи, ты в порядке?», «Ты плохо себя чувствуешь?», «Пожалуйста, скажи мне, если я могу что-то сделать, ладно?», «Если тебя что-то беспокоит, поговори со мной. Эта Нацуми позаботится об этом!», «Я волнуюсь о тебе».

А также о словах беспокойства по поводу моего явно подозрительного поведения.

«Я что-то сделала?», «Прости. Я, наверное, беспокою тебя всеми этими сообщениями...», «Почему ты не отвечаешь...», «Может мне следует позвонить тебе...», «Я хочу поговорить с тобой, Ричи...»

И её тревоге.

Общее число сообщений, которые я получил от неё за эти три дня, перевалило за 50. Моё сердце дрожало после каждого прочитанного мной сообщения, почти заставляя меня тут же ответить ей, но...

— Прости. Прости, Нацуми...

Разрываться здесь, вероятно, было бессмысленно. Но это было всё, что я мог сделать. Если я действительно отвечу ей, тогда чтобы ни случилось, это приведёт только к будущему, которого я пытаюсь избежать.

Трр-трр. Трр-трр. Трр-трр.

Разносящийся по моей тихой комнате звук стационарного телефона заставил мои плечи инстинктивно дёрнуться. Я продолжил притворяться, что меня нет и звонок наконец-то прекратился.

«Если это была доставка на дом, то они, наверное, придут снова завтра», – подумал я.

Щёлк.

Я услышал звук открытия замка и затем...

— Ричи. Ты там, не так ли?

Той, кто беззаботно открыла дверь была моя мама, которая должна была быть дома у её родителей.

— Почему...

— Ты ещё спрашиваешь. Со мной связалась школа, сказали, что ты пропускаешь школу без уведомления. И как раз, когда я приехала посмотреть, что происходит, я столкнулась с ней.

— С кем?

Я предпринял следующий шаг и всё равно задал вопрос, но я уже знал ответ на него. Существовал только один человек, который мог посетить мою комнату в канун Рождества...

— Извините за вторжение.

Это была Нацуми. Она с тревогой заглянула в комнату, чтобы ответить на мой вопрос.

— Ох, ну почему ты держишь свою комнату в таком беспорядке. Прости, Нацуми-чан.

— Ах, нет. Всё нормально.

— Ну тогда, не торопитесь.

С этими словами, она захлопнула дверь за собой и ушла, оставив меня и Нацуми лицом к лицу. Всё, что я мог делать, это смотреть на неё туманными глазами, пока она снимала своё красное пальто.

— Почему...

— Прости, что пришла не сообщив.

— Почему ты пришла? Я сделал тебе что-то плохое, понимаешь? Я даже игнорировал твои сообщения. Так, почему...

— Потому что я знала, что ты не сделаешь чего-то подобного. Потому что я верила в то, что верный Ричи, которого я знаю, никогда бы не сделал чего-то подобного без хорошей причины.

Аах, Нацуми почему... почему ты так...

— Добра к виноватым...

Моё мрачное бормотание показало то, насколько сильно я хотел с ней поговорить. Если бы я отчаянно не сдерживал это внутри, то определённо заплакал бы.

— Скажи мне, Ричи. Что случилось? Скажи. Уверена, я смогу помочь тебе.

В ответ на её слова, я не мог сделать ничего кроме, как помотать головой.

— Я не понимаю...

Ни того, что происходило, ни того, что должен сделать... Я ничего не знал... вообще ничего.

— Всё в порядке, Ричи. Я останусь с тобой... так что...

— Нацуми...

Её тело ощущалось крошечным в моих объятиях, но оно было безнадежно тёплым.

— Ну, ну.

Её повторяющиеся слова были наполнены добротой.

— Всё будет хорошо, Ричи.

Услышав то, как она назвала моё имя, наполнило меня высшим счастьем, и я не сумел сдержать свои чувства.

— Я люблю тебя.

И из моего рта просочились эти слова.

— Да. Я тоже.

Хотя я прекрасно осознавал, что они принесут...

— Я люблю тебя. Я люблю тебя, Ричи.

Вместе с выходящим за пределы счастьем наступил этот исход.

— Ах...

И вот опять Нацуми вырвало кровью и она рухнула,

Обнимая её обмякшее тело, я проклинал жестокий мир.

Почему... почему!

Всё чего я желал это её любовь!

Было ли воплощение в жизнь твоей любви с девушкой, которую ты так любил, чем-то настолько плохим!?

— Нацуми, я тебя ненавижу.

И вот так наступил восьмой канун Рождества. Эти слова были первыми, которые я произнёс в момент, когда пришёл на наше место встречи.

Я отверг её. На данный момент это было всем, что я сумел придумать. Последние два дня я вёл себя как обычно, поэтому если я сейчас внезапно скажу ей эти слова, интересно, какое она сделает выражение лица. Что она почувствует?

Будет плакать?

Разозлится?

Или может быть она просто уйдёт, не сказав ни слова?

Но она ни за что не стала бы признаваться кому-то вроде...!?

— Эй, Ричи.

Ах... Ааах...

— Я не знаю, что случилось, но...

Аах, остановись. Не говори этого, Нацуми...

— Я ни за что не поверю тебе, когда ты говоришь такое с таким жалким выражением на лице.

Как... как ты можешь так нежно гладить меня по щеке? Почему смотришь на меня так, словно вот-вот заплачешь?

— Нацуми, почему...

— Ричи, ты плохо врёшь. Ты слишком искренен, добр и не способен ранить других. Поэтому я с лёгкостью вижу сквозь твою ложь.

— Это не...

— Это так. Прямо как ты всё время был рядом со мной, я была рядом с тобой. Иначе я бы по-прежнему была бы такой же одиночкой, понимаешь?

— Нацуми... Нацуми... Нацуми...

Какого чёрта я делаю? Разве я не пытался отвергнуть её секунду назад? Тогда почему... почему я сейчас обнимаю её?

— Нацуми, я просто не могу сделать это... В итоге, я в самом деле люблю тебя.

Почему... почему я говорил нечто подобное? Несмотря на то, что знаю, что она в очередной раз...

— Да.

Скажет мне эти слова...!

— Я люблю тебя. Я люблю тебя, Ричи.

И я проснулся. Утро 22-го декабря поприветствовало меня привычной холодностью.

И это ознаменовало девятый раз, когда я увидел эти декорации.

«Что бы я ни делал, оно никогда не работает», – на меня напало такое почти пустое, чувство безнадежности.

Мне нужно было заставить Нацуми не признаваться.

Это было всё, что мне нужно было сделать и, тем не мене... что-то настолько простое оказалось

таким, таким сложным.

Возможно из-за того, что я столько раз повторял это, я уже перестал испытывать что-то по поводу освежающего, зимнего утра. Механическими движениями я собрался в школу и открыл дверь, собираясь уйти, когда...

— Кья!?

Я услышал очень милый голосок и посмотрел вверх, а по другую её сторону была упавшая на спину девочка.

— Ох, виноват.

Похоже, она шла по коридору, когда я открыл дверь. Я протянул ей свою руку, и она послушно взялась за неё своей миниатюрной.

— Ты в порядке?

— А, да. Большое спасибо.

И затем, как только я как следует посмотрел на эту ярко-улыбающуюся девочку, мои глаза широко раскрылись в шоке от того насколько специфично она выглядела.

Она выглядела весьма уютной в её куртке с капюшоном и даже её рост едва доходил мне до груди. У неё была хорошая внешность, но кажется не из моего поколения, так что, наверное, ученица средних классов. Но это всё было банально. Тем, что привлекло моё внимание, были её волосы и глаза.

Её волосы были настолько белоснежными, что я задался вопросом, были ли они абсолютно бесцветными, а её глаза были настолько ярко-флуоресцентно-голубыми, что я также задался вопросом, не были ли они созданы для того, чтобы быть противоположными её волосам. Я был настолько сфокусирован на таком чистом цвете, что думал, что они собирались засосать меня внутрь.

— Ээм...?

Похоже, найдя странным то, что я просто стоял и держал её за руку, она посмотрела на меня невинным жестом.

— Извини.

Я в спешке отпустил её руку и собрался уходить, когда...

— Пожалуйста, поддержите ещё раз!

Мне показалось, что я услышал тот голос, но когда я развернулся, беловолосая девочка уже убегала по коридору с развёрнутой ко мне спиной.

— Кто-то вроде неё действительно жил в этих апартаментах?

С этим сомнением в своей голове, я продолжил свой путь к школе. Каждый мой шаг ощущался тяжёлым и полным безнадёжности.

В конце концов, запираю я себя в комнате или нет, Нацуми всё равно придёт ко мне.

— Извини. Долго ждал?

И в девятый канун Рождества Нацуми показалась на обычном месте встречи в обычной одежде. Красное пальто, которое я слишком привык видеть и подходящие вещи, над которыми она должно быть долго думала для этого особенного дня. Сколько бы раз я не повторял это, всё равно нахожу её сияющую улыбку очаровательной.

— Эта одежда действительно идёт тебе.

— Правда?

— С чего бы мне врать о чём-то подобном?

— Ха-ха.

Когда я увидел, как она так блаженно смеётся, то подумал - «Что она сделала, чтобы заслужить такое? Почему она... только она... должна продолжать умирать?»

— Пойдём уже, Ричи.

— Конечно.

— Ах.

— Мне остановиться?

— Нет, это делает меня счастливой.

Просто ходьба, вот так держась с ней за руки, сделала меня неописуемо счастливым. Вне зависимости от того сколько раз я повторял это, моё сердце всё равно продолжало как никогда оживлённо пульсировать.

— Смотри, смотри! Разве эта одежда не милая?

— О, ты права. Они идеально подойдут тебе, не так ли?

— Эээ, ты так думаешь?

— Я в этом уверен. Хочешь примерить их ненадолго?

Ведёт обычный разговор...

— Ричи, дай мне кусочек.

— Ох, хорошо.

— Покормишь меня?

Просит побаловать...

— Эй, Ричи. Это весело, ведь так?

— Конечно.

Факт того, что я мог вот так вот проводить с ней время, наполнял меня высшим счастьем. Вот

почему...

— Не думала, что мы действительно сможем пробраться внутрь.

— Кто-то действительно забыл закрыть его. К счастью для нас.

Вот почему я чувствовал себя таким спокойным внутри.

Интересно сколько времени прошло с тех пор, как мы в последний раз пробирались в пустынную школу и вылезали на крышу. Ослепительные улицы и даже ожидавшая подсветки Пихтовая башня... окутанный тишиной мир искрил как никогда прежде.

— Эй, Нацуми. Ты помнишь? Первый раз, когда мы встретились.

— Ага, помню. Точнее, я бы никогда не забыла что-то настолько важное.

Подул холодный зимний ветер. Его холодность заставила нас сжаться и приблизиться друг к другу без какого-либо особого приказа, и мы начали разговаривать тихо, почти шёпотом.

— Это было забавно. Я был здесь протягивая тебе руку, а ты упорно отказывалась от неё.

— Э-это... Ты был абсолютно незнакомым парнем, поэтому я боялась братья за руку.

— Ты действительно была как ёжик. Необщительной и всё такое.

— М-могу сказать то же самое и о тебе. Ты сам тоже был странно отдалённым.

— Правда? Хотя сомневаюсь, что был на твоём уровне.

— Хватит уже этого разговора.

Увидев, как она надулась, я почувствовал себя невообразимо грустным. Ещё немного и она бы снова произнесла эти самые слова...и тогда...

— Кх!

— Ричи?

— Ничего, не переживай об этом.

В этот момент я осознал кое-что. Когда я думал о сцене смерти Нацуми, была часть меня, которая уже приняла это как естественный исход.

Поначалу это был ужасный шок. Я столкнулся с неизбежной реальностью, где вне зависимости от того сколько раз я повторял это ничего не менялось и моё сердце пронзила боль.

Хотя сейчас боль исчезла.

Несмотря на то, какой всеобъемлющей она была.

Несмотря на то, в каком абсолютном отчаянии она оставила меня.

Несмотря на всё это, глубоко в моём сердце была часть меня, которая приняла это.

«Понятно. Похоже, я уже давно превысил свои лимиты, ха».

— Нацуми, давай пойдём куда-нибудь чуть повыше.

— Конечно, хорошо.

— Обязательно как следует держи меня за руку в этот раз, хорошо?

— Ладно уже, боже.

Мы взобрались на верхушку кучи мусора, при этом шутя. «Якисоба», «Окономияки», «Красная команда», «Табло». Среди этих вывесок были и некоторые, из которых из-за неаккуратного обращения торчали гвозди. Нам потребовалось немало труда для того чтобы не наступить ни на один из них, но по сравнению с видом, который мы получили взамен, взобравшись на вершину это было ничем.

— Это потрясающе.

— И вправду.

Мы были на уровень выше даже крыши. Вид отсюда показывал нам ещё большую часть Мисоно, чем прежде. Казалось из расположенного вокруг Пихтовой башни, жилого района высасывался свет, как будто звёзды направлялись в ночное небо. Его слабый свет освещал моё усталое сердце.

Сами того не заметив, мы сидели на вывесках и в тишине опирались друг на друга.

— ...

— ...

Эта нежная тишина почти казалось, не желала расставаться с нами.

Моя рука поверх её выглядела так, будто набиралась смелости для того, что должно было произойти.

Передающееся тепло постепенно укрепляло мою решимость.

— Нацуми.

Называя её имя, я извинился в своём сердце.

— Да?

Ах, чтобы она делала такое встревоженное выражение... интересно, как я сейчас смотрю на неё.

— Лицом ко мне.

Прости. Прости, Нацуми. Я извинюсь, поэтому, пожалуйста, прости меня.

Когда я коснулся её щеки, словно пытаюсь вытереть свои собственные внутренние слёзы, стало настолько холодно, что в итоге я прикрыл их обеими руками, но...

— Извини, оказывается мои руки тоже холодные.

— Это не... фм!

Из её носа вырвался слабый вздох. Ощущение всколыхнуло моё сердце и я сжал свои губы ещё сильнее. И не останавливаясь, я осторожно положил её тело поверх изношенных вывесок.

— Нацуми.

Глядя вниз на неё, она, казалось, что-то почувствовала и смотрела на меня широко раскрытыми глазами, но в итоге, она сделала большой кивок с покрасневшим лицом. Скорее в итоге кивнула.

— Всё хорошо.

Её хрупкий и слабый голос заставил вырваться мои подавленные плотские желания. Понимая то, что я собирался сделать, возбуждение послало мурашки вниз по моей спине. И тогда я ещё раз извинился перед ней...

— Мф!

Тем не менее, вопреки моим жестоким желаниям, мой поцелуй был нежным, чтобы я не навредил ей. И потом я надавил своим телом на её и...

— Ах... кха...!

Мягко и нежно я положил свои руки на её шею.

— Ри... чи...?

— Нацуми.

—Ты... пла... чешь...?

Верно, Нацуми. Я плачу.

Я больше не знаю, что делать...Я чувствую себя несчастным, одиноким и полностью потерянным. Почему я делал что-то подобное? Я вообще никогда не подразумевал такого. Но мне достаточно этого. Видеть то, как Нацуми умирает бессмысленной смертью. Сколько бы раз я не повторял этого, в итоге я вижу её смерть. Скажите мне, какого чёрта происходит? Просто... Просто оставьте нас...

— Я на пределе...

Моё сердце уже было в клочьях. Я не знал ни что я делал, ни что мне нужно было сделать. Всё чего я хотел это быть рядом с ней, проводить вместе с ней весёлые деньки... так почему же я делал что-то подобное?

Аах, теперь у меня действительно съехала крыша.

Но... но это может быть возможностью, верно?

Если я убью Нацуми и затем самого себя, может быть, мы сможем сбежать из этой петли?

Это единственная надежда, что осталась у меня...

— Ри... чи...

— Нацуми...

— Всё хорошо.

Спасибо. Я дал ей ещё один нежный поцелуй, чтобы сказать эти слова. Даже когда моя любовь к ней вышла из меня, мои руки не ослабили хватку. Вместо этого я сжимал жёстче и жёстче пропорционально тому, как усиливались мои чувства во время всех этих повторов.

«Я люблю тебя, Нацуми».

«Я очень сильно люблю тебя».

«Поэтому прости меня».

«Слушай, Нацуми».

«Моё сердце больше не может остановить это».

«Поэтому, позволь мне оставить их здесь».

«Если я сделаю это, тогда я смогу продолжать делать всё возможное».

«Если этот метод не работает, то в следующий раз я постараюсь ещё сильнее».

«Я сделаю всё возможное, чтобы избежать твоего признания».

«Так что...»

— ...

Интересно как долго я был в этом положении. Я продолжал сжимать её шею, движимый чувствами извинений и осуждения, а когда я наконец пришёл в себя, она больше не произносила ни единого слова.

— ...

Итак... моя работа здесь была выполнена.

Настало время мне последовать.

— До скорого.

С этими словами, я спрыгнул с крыши. Пока я падал головой вниз, я заметил, как зажигали Пихтовую башню. Ха-ха, видеть это в одиночку бессмысленно.

И прежде чем я смог услышать глухой звук столкновения, я потерял сознание.

Когда я открыл глаза, то всё ещё было 22 декабря и я вернулся. Это осознание наполнило меня тусклым чувством отчаяния.

«Какого чёрта я делаю?»

Я был полон такой беспомощностью.

«Серьёзно, что я делаю?»

«Всё хорошо...».

— Аах... ААААААААААГХХХХХ!

«Я не хотел этого!»

«Я никогда не подразумевал такого!»

«Я никогда не собирался делать такого, но...»

— Я убил Нацуми...

«Я задушил её... этими руками».

Но... но я не мог ничего поделаться.

«Я был на пределе... все, что я делал было бесполезным... но я не хотел видеть, как она умирает... поэтому я решил... было лучше... убить её своими руками и умереть вместе с ней...»

«но... почему...»

«почему...»

«почему я...»

— Почему!?

БЛЯДЬ! БЛЯДЬ!

«Что это блядь такое! Что блядь происходит!?»

«Опять!? Мне придётся пройти через это опять!?»

«Если сегодня снова 22-ое, то я должен начать сначала, так ведь!?»

«И мне опять придётся услышать её признание в сочельник и смотреть как она умирает!?»

«Это...»

«Это безумие...»

«Сколько ещё раз мне нужно пройти через это...»

— Но может быть мне стоит просто сдаться...

Эти слова просочились из моего рта.

Я рассеяно поднял себя и словно призрак зашагал к столу и взял ножницы из кружки с карандашами. Я вообще не думал. Естественными движениями я направил их кончик на своё горло и...

— Не надо!

Раздался резкий голос, а вместе с ним и столкновение. Во время падения я ударился головой об пол. Пока я видел звёзды перед глазами, я почувствовал, как у меня выхватили ножницы.

— Хаа... хаа... что, по-твоему, ты творишь!?

Когда я открыл глаза, там стояла девочка.

Белые как снег волосы. Флуоресцентные голубые глаза, которые выделялись даже в этой тусклой комнате. Сомнений не было. Это была та же девочка, которую я встретил у входа во время последней петли.

— Кто ты.

Мой голос звучал настолько глубоко, что даже я удивился. Он был настолько лишён эмоций, что заставил девочку вздрогнуть. Ха-ха, разве я звучал так пугающе?

— Эй, скажи мне, - мой резкий голос сотряс атмосферу. С такими словами в качестве старта, мои эмоции раздулись... — что это такое? Что, чёрт возьми, происходит? Почему мне приходится проходить через это снова и снова, и снова... давай же... пожалуйста, скажи мне, что чёрт возьми, происходит!

И прежде чем я заметил это, я схватил девочку за её воротник.

— Я ничего не понимаю! Что, чёрт возьми, происходит!? Почему Нацуми приходится умирать так много раз!? Почему мне приходится проходить через это так много раз!? Что это за ситуация такая!?

Пока я глядел вниз на неё, при этом дико дыша, она посмотрела на меня с лицом на грани слёз.

— Что это за лицо? Это ты, не так ли!? Ты заставляешь проходить меня через это, так ведь!? Тогда почему... почему ты так смотришь на меня!? Отвечай!

Аа, что я творю. Ко мне обратился голос из какой-то более спокойной части моей головы. Чего я пытался добиться, прибегая к насилию над этой девочкой?

Даже так, девочка не испугалась моего угрожающего отношения и посмотрев вниз на мгновение, она снова посмотрела вверх с решительным выражением на лице.

— Который сейчас раз?

Это единственное предложение сделало меня уверенным. Это девочка знала, что я проживал петлю.

— Чёрт с два я знаю. Я больше не помню этого.

— Прости.

Её голос нёс с собой ощущение сырости. Она звучала так, будто это действительно была её вина, что я закольцовывался.

Мой ожесточённый гнев начал постепенно сходить на нет.

— Ах...

— Ты удивителен. Ты не останавливался до тех пор, пока не стал таким. Ты действительно удивителен.

Её ясный голос раздался рядом с моим ухом. Наполненный добротой до отказа, он молча проникал в моё сердце.

Она обняла меня.

Будто чтобы успокоить меня, она аккуратно обвила свои руки вокруг меня и прижала свои щёки ко мне. Её прикосновение высвободило ещё одну запертую в моём сердце эмоцию.

— Уа... аах, шмыг...

— Хороший мальчик.

— Ваа... аааа...

Сразу после того как я подумал о том насколько жалким я был, я начал плакать и больше не мог подавлять свой голос.

— Должно быть это было так болезненно. Должно быть это было так тяжело. Но теперь всё хорошо.

Её добрые слова ослабили моё сердце. Из дня в день я безнадежно размышлял о том, почему переживал... почему мне приходилось повторять что-то настолько болезненное так много раз.

Почему это происходило только со мной? Должен ли я был продолжать делать всё возможное, даже когда никто не понимал меня? Всё что тяготило меня, всё, что я терпел всё это время, всё это вылилось из меня.

— Уа... аах... Ух... Аах.

— ...

Я зарылся своим лицом в её плечо, пока она заботливо гладила меня по спине. Всё это время, я желал вот так вот положиться на кого-нибудь.

Пока я продолжал закольцовываться, в моём сердце продолжала накапливаться лишь усталость и я чувствовал себя беспомощным.

Ничего из того что я делал ни приносило результатов и тем не менее как бы я ни старался это приводило только в тупик.

День за днём продолжали накапливаться только грустные и болезненные воспоминания и я был на грани разрушения.

— ...

Она держала меня, не произнося ни слова.

Меня, кого-то кто убил Нацуми.

Это нежное ощущение облегчения заставило меня захотеть нагло доверить ей всё своё тело.

— Ах.

Однако это время не длилось вечно.

По комнате отразилась слабая вибрация. Это был звук моего смартфона, который я бросил на кровать. И на его дисплее было одно слово – «Нацуми».

В тот момент, когда я увидел его, я в ужасе обнял талию этой девочки.

«Я не могу сделать это».

«Я... Какое лицо мне нужно будет сделать, когда я встречу с Нацуми? Она точно не будет знать о том, что я сделал. Но я буду».

«Я помню гибкость её шеи и то как я сжимал её».

«Так, как я должен был встретиться с ней!?»

— Я не могу...

С моих уст слетело слабое бормотание.

Смартфон продолжал вибрировать, как будто подгонял меня.

Пока я находился в таком состоянии, девочка аккуратно отодвинулась.

— Ричи-сан.

В момент, когда она отодвинулась от меня, на меня напало чувство одиночества сродни отказу. Я посмотрел на неё, которая смотрела прямо на меня, умоляющим взглядом.

— Пожалуйста, встретиться с Нацуми-сан.

Она была так жестока. Я призвал её объяснить мне, зачем она просила меня сделать что-то настолько жестокое.

— С этого момента я тоже буду с тобой. Так что, пожалуйста, встретиться с Нацуми-сан. Пожалуйста, не убегай от своих чувств.

Меня пересилили её привлекательные слова и призывающий блеск в её глазах, и я поднял телефон.

— А, Ричи? Где ты сейчас? Первый урок вот-вот начнётся.

— Ах.

На мгновение я преодолевал различные эмоции и потерял свои слова.

— Нацуми.

Тем не менее, причина того, что я сумел назвать её имя, была благодаря этой обнимающей мою спину девочке. Её любезно потирающие мою спину руки дали мне достаточно смелости, чтобы выдать свой голос.

— Прости. Я не приду сегодня в школу. Давай встретимся... завтра.

После того, как мне едва удалось передать это, я оборвал звонок, не дождавшись её ответа. И затем я выпустил большой вздох. Он был настолько же большим, насколько было лёгшее на моё сердце бремя.

— Чего я и ожидала от тебя, Ричи-сан. Хороший мальчик, хороший мальчик.

От того как она разговаривала со мной, как мама со своим ребёнком, мне захотелось прицепиться к ней. Мне хотелось бесстыдно выплакать свои глаза и доверить ей своё ослабленное сердце.

— Кто ты...?

Тем не менее, услышав голос Нацуми, мне удалось остановиться на грани этого и суметь задать свой вопрос. Услышав его, она показала мне очаровательную, сладкую улыбку и ответила.

— Меня зовут Ринка. Чтобы спасти вас двоих, я прибыла из будущего.

<http://tl.rulate.ru/book/37986/839324>